

Ставер Годинович (4)

Ай во стольном-де во городе во Киёве
Как у ласкова у князя у Владимира
Ищэ было тут пирóваньё-столóваньё
И на многих всё на князей, на бóяров,
И на многих купцей, людей торговых,
И на многих мещан сё пригородных,
И на тех всё руськиих богатырей,
И на всех на кресьян православных,
А как пир-от снарядил, пировать стали,
И столы-ты ле розоставили, столовать стали;
Ай как вси они на пиру сидя напиваются,
Ищэ все тут на чесном сидячи наедаются,
Эх хмельнёшеньки все стали, да веселёшиньки,
И как все тут на пиру сидят приросхвастались:
Ай как иной-от кабы хвастат золотой казной,
Ай иной-от хвастат удачей молодецкой,
Как иной-от-де бы хвастат кони добрыма,
А кабы глупой-от сидит хвастат молодой жоной,
Ищэ умной сидит хвастат он старый отцом,
Он старым-де ка' отцем да старой матушкой.
Ай выходит тут как солнышко Владимир-князь,
Он подходит-де к удалу добру молодцу,
Ко тому-де ко Ставру сыну Годинову,
Говорит тут ле-то солнышко Владимир-князь:
«Уж ты ой еси, Ставёр да сын Годинович!
Ты же што же нынь сидишь нечим не хвастаешь?
Тибѣ пир-от, винно, был мой не пó разуму?
Кабы поннощички мои были не вежливы?
А не вежливы как были, не очесливы?
Тебе винны, винно, цяры да не доходили?
Кабы пивны стаканы да не доносили?
Але местицко тибѣ было не по разуму?»
Говорит на то Ставёр да сын Годинович:
«Уж ты ой еси, ты солнышко Владимир-князь!
Мне-ка пир-от был ле твой да мне по разуму,

Поднощычки твои да были ле вежливы,
А 'ще вежливы ле были, да нонь очесливы,
Кабы винныма ле цярами доходили,
Кабы пивныма стоканами доносили,
Ищэ местицько-то было мне по разуму».

Говорит на то-де солнышко Владимир-князь:
«Ож вы ой еси, мои да вы поднощычки!
Наливайте вы нонь цару зелена вина,
Не велику ле, не малу — полтора ведра,
подавайте вы удалу да добру молодцу
И тому ищэ Ставру сыну Годинову».

И на то были поднощычки проворныя:
Наливали они нонь цару да зелена вина,
Не велику ле, не малу — да полтора ведра,
Ой подавают тут удалу добру молодцу,
А тому ищэ Ставру сыну Годинову;
Он берёт ищэ ноньци цару единой рукой,
Ищэ пьёт кабы да цару к единому духу,
Он как стал тут ле, Ставёр, тут на резвы ноги,
Ищэ по полу Ставёр да стал похаживать,
А кабы кунью свою ле шубу стал поволачивать,
Ищэ к шубоцьки ле стал нонь приговаривать:
«Ищэ шубу а ле ты моя, да шуба кунья!
Ты дарёна мне от князя от Владимира,
Ты в любіі мне-ка пришла, да я ' чести доржу!»

И говорит ищэ Ставёр да сын Годинович:
«Уж я рад ему, князю, служить еще,
Я за шубоцьку служить — рад головы сложить:
Ищэ подруци Бог на поли тотарина,
Ищэ Кощея-царя сына Трипéтова!»

Он как стал ле тут, Ставёр, ноньце похвастьвать:
«Я живу ноньце, Ставёр да сын Годиновиць,
У мян золота ищэ казна, живу, не тощытса,
У мян добры живут кони — не ездятса,
Добры молодцы живут у мян — не старятса,
У мян цвето-то ле платьицё не носитце,
Ай на ножечках сапожочки не топчутце;
Ищэ есь у мян ле нонь да молода жона,
Ищэ та ле да Василица дочь Микулицьна,

Ищэ нет ею ле краше да по всей земли,
Ищэ нет ей храбрее да по всей вотчины,
Ищэ кроме-де княгини да мать Апраксии».

А о ту ищэ пору ле, да о то время

Погодились у князя у Владимира

Ищэ ты-те ищэ бояра да толстобрюхие.

Как пошли они ко князю да ноньце нажалились

На того ищэ Ставра сына Годинова:

Говорят ищэ бояра да толстобрюхие:

«Уж ты ой еси, ты солнышко Владимир-князь!

Как сидел у тя-ле нонь да чесном пиру,

Как сидел у тя Ставёр да сын Годинович,

Ищэ тот ноньци Ставёр да сын Годинович,

Он как сперва-де сидел нечим не хвастал же,

Ищэ после-де пиру, да нонь после стола,

Кабы налили ему да цяру зелена вина,

Не велику-де, не малу — полтора ведра,

Он как выпил эту цяру да зелена вина,

Он ставал ноньце, Ставёр, да на резвы ноги,

Он как по полу, Ставёр, да стал похаживать,

Он как кунью свою шубу стал поволачивать,

Ищэ шубоцьки ле стал он приговаривать:

„Уж ле шуба-ты моя, да шуба куньяя!

Дарена ты мне от князя от Владимира,

Ты в любви мне-ка пришла, да в чести доржу —

Подруци мне-ка Бог на поли тотарина

И того мне-ка князя ищэ Владимира!“

Ищэ хвастаёт своёй он молодой жоной:

„Ищэ есь у меня ле нонь да молода жона,

Кабы та ле Василиса да дочь Микулисна,

Кабы нет её-де краше да нонь по всёй земли!“

А княгину-ту твою зовёт сиротиною,

Сиротиною зовёт её бездомовою».

А кабы тут ноньце солнышко Владимир-князь

Призывает ноньце Ставра сына Годинова:

«Уж ты ой еси, Ставёр да сын Годинович!

Ищэ што же, Ставёр, да нынць хвастаешь?

Говоришь ищэ нонь да таковы слова:

„Я живу-де ка’, Ставёр да сын Годинович,

Золота у мя казна, живу, не тощитса“...[1](#)
Ищэ как у тя нонь коницьки не ездятса?»
Говорит на то Ставёр да сын Гоудинович:
«Хоть изъездытса у мя да кони добрые,
Я продам этих мещанам пригородным,
Я куплю-де кабы коней лучше старых».
Говорит на то солнышко Владимир-князь:
«Ищэ как у тя золота казна не тощитсе?»
Говорит на то Ставёр да сын Гоудинович:
«Хоть истощитце у мя ле золота казна,
Наживу ле то казны ле больше старово».
Да говорит ищэ солнышко Владимир-князь:
«Ище как у тя добры молодцы живут не старятца?»
Говорит на то Ставёр да сын Гоудинович:
«Хоть состарятца у мя живут добры молодцы,
Я найму-де молодцов да лучше старых».
Говорит опять на то солнышко Владимир-князь:
«Уж как у тебя цветно платьцо не носитца?» —
«Хоть износитца у мя платьё чветноё,
Я продам это нонь мещанам пригородным,
Заведу я ищэ платьцо лучше старого».
Говорит опеть солнышко Владимир-князь:
«Кабы ле как у тя сапожки не топчутце?»
Да говорит на то Ставёр да сын Гоудинович:
«Хоть истопчутце у мя ёти сапожоцьки,
Я продам ёти сапожки мещанам пригородным». —
«Ище как это ты хвасташь молодой жоной,
А как нет ее, говоришь, краше по всей земли,
А по всей ноньци земли, по всей вотчины;
Как княгину-ту мою зовёшь сиротиною,
Сиротиною зовешь ты её бездомовою?»
Говорит на то Ставёр да сын Гоудинович:
«Уж я ёки-ти ле реци не говаривал».
Говорит на то-де солнышко Владимир-князь:
«Ищэ говоришь ле ты да таково слово:
„Подруци Бог мне-ка на поли тотарина,
Как того ищэ князя, князя Владимира“».
Говорит на то Ставёр да сын Гоудинович:
«Я как эти-ти ле реци да не говаривал».

Отпиратце Ставѣр да сын Гоудинович,
А бы князю-ту ле тут нонь за беду стало,
За великую досаду показалосе:
Он приказывал своим людям роботшиим
Еще выкопать в чистом поле глубок погреб,
Посадить хоцѣт Ставра сына Гоудинова.
А на то его скоро люди робочие,
Как пошли они скоро нонь во чисто полѣ,
Кабы выкопали они ноньци глубок погреб,
А не велик, не мал — глубину сорока локот,
А посадили тут Ставра сына Гоудинова,
Накатили на его плиту залезную,
Не велику ле, не малу — девеносто пуд,
А засыпали его тут хрѹщом-каменьѣм.
Ай как услыхала ле там как Ставрова молода жона,
Она стала тут ле ноне снаряжатисе,
Как постригла она свои нонь русы волосы,
Назвала себе нонче имя — нонь Василей же,
А Василюм звалась да сын Ивановиць.
А берет она подароцьки хорошия,
Подарить хоцѣт князю ноньце Владимиру,
Выкупать хоцѣт Ставра сына Гоудинова:
Как брала она ноньце сорок ноньце лисичь ищэ,
Кабы сорок-де куниц, сорок черных соболей,
И брала она сорок белых кречетов;
Ищэ стала она тут да снаряжатисе,
Поежжать-де нонь, да ноньце ехати
Ко тому ищэ ко князю ко Владимиру.
Приеждяет нонь Василей сын Иванович
Ко тому ищэ ко князю ко Владимиру,
И ко той ноньце ко грине княженевскойей.
А как ставит нонь коня да ' дубову столбу,
А как вяжѣт нонь коня да к золоту кольцу,
А заходит он во гриню княженевскую,
О'-де Богу-ту-де нонь да ищэ молитсе,
На вси стороны еѣ нонь покланяитсе,
Как князю-то со княгиной на ѣсобицу.
Говорит тут на то ле солнышко Владимир-князь:
«Приходи же ты, удалой доброй молодец!

И не знам, тебя-де как нонь именём зовут,
А не знам, как величают по отечеству,
Ты коих же ты родов, да коих городов?
А ты коёй ищэ земли, коёй Орды?»
Говорит на то удалой доброй молодец:
«Я как послан от Ставровой молодой жоны
Выкупати-де Ставра сына Годинова,
А зовут меня Василей сын Иванович».
Говорит на то солнышко Владимир-князь:
«Кабы ле дати мне Ставра — не видать Ставра,
А не дать мне-ка Ставра, дак прогневить посла,
Прогневить ле ка' Василея Ивановича».
Ищэ по полу он, Василей сын Иванович,
Он как по полу ле нонь ищэ похаживат,
Он такия-де речи выговариват:
«Ож ты ой еси, ты солнышко Владимир-князь!
Уж ты дай мне-ка Ставра сына Годинова!»
Говорит ноньци княгина да мать Апраксия:
«Уж ты ой еси, солнышко Владимир-князь!
Ищэ этот ле Василей сын Иванович —
Кабы это-де Ставрова молода жона:
Она по полу, винно, ходит частенько ступат,
А на лавоцьку садитця, она коленьча жмёт,
А коленци она жмёт да куну, куну́ берегёт».
Говорит на то-де солнышко Владимир-князь:
«Уж ты глупая баба, неразумная!
У тя волос-де долог, ум коротинькой.
А пошто суда приедёт Ставрова молода жона?
А коле Ставрова-де жона, можно спроведати:
Мы накинем-де ле ей службу тяжёлую».
А как подходит опеть Василей Иванович,
Говорит опеть Василей сын Иванович:
«Ёжь ты ой еси, солнышко Владимир-князь!
Ты ютдай мне-ка Ставра сына Годинова!»
Говорит на то-де солнышко Владимир-князь:
«Я накину на тебя службу тяжёлую:
Со моима с игроками поиграть сперва
Как во ти ещэ во пешецьки, во шахматы;
Как обыграшь ты моих ле игроков ище,

Я отдам тогда тебе Ставра, отдам безденежно».

Говорит на то Василей-от Иванович:

«Я бы знал ле ваши замыслы княженецкия,
Я бы брал с собой людей ноньце уцёных,
Как маленько с измалёшка я, Васька, игрывал».

Принесли ноньци-де пешецьки точёныя,
Принесли-де ка' дощоцьку да подзолочену,
Ой как стали они играть в пешки ле, шахматы,
Говорят оне, игроки нонь княженецкия:

«Ты ходи же нонь юдалой доброй молодец,
Ище ты ле Василей сын Ивановичь». —
«Как которой накликат, тот наперёд ступат».

А как идут нонь игроки нонь княженецкия,
Как ступили они во пешецьки, во шахматы,
Как ступил ноньце Василей сын Ивановичь,
А другой-де раз ступил, да им ходу не дал,
А во третьей раз ступил, дак их с доски сгонил.

Он подходит нонь, Василей сын Ивановичь,
Ко тому ищэ ко князю ко Владимиру,
Говорит тогда Василей сын Иванович:

«Уж ты ой еси, солнышко Владимир-князь!
Уж ты дай мне-ка Ставра сына Годинова,
Ищэ дай мне Ставра ноньце безденежно!»

А говорит на то ле-то княгина мать Апраксия:
«Уж ты ой еси, солнышко Владимир-князь!
Кабы этот ле не Василей сын Иванович —
Ищэ надо быти Ставрова да молода жона».

Говорит на то-де солнышко Владимир-князь:
«Ох ты глупая ты баба, неразумная!

У тя волос-от-де долог, ум коротинькой:
А пошто суда приедёт Ставрова жона?
Кабы Ставрова-де жона — можно спроведати,
Как накинуть на ее службу тяжёлую».

Говорит на то Василей-от Ивановичь:
«Уж ты ой еси, солнышко Владимир-князь!
Уж ты дай мне-ка Ставра нончи безденежно!»

Говорит на то-де солнышко Владимир-князь:
«Уж ты ой еси, Василей сын Иванович!
Я накину ле на тебя службу тяжёлую:

Со моима ле со борьцями да поборотисе. —
Кабы ле бросишь ле да моих да нонь борьцей ищэ,
Я отдам тебе Ставра тогда безденежно».

Говорит на то Василей сын Иванович:

«Я бы знал ваши замыслы княженецкия,
Я бы брал таких людей, борьцей учёных.
Да, пожалуй, сызмалéшка Васька баривалса».

Выпускаёт ноньце князь борьцей учёных
Как боротисе с Василеём нонь Ивановичём.

Кабы ле вышли борьци, ноньци три молодця,

Говорит на то Василей-от Ивановичь:

«Ож ты ой еси, ты солнышко Владимир-князь!
Уж ты как велишь с борьцами да нонь боротисе:
По единому ле брати, со всима ле вдруг?»

Говорит на то ёму солнышко Владимир-князь:

«Уж ты сам ле знашь, Василей сын Ивановичь, —
Уж ты как ты ле да нонь да ты борись с има».

Он бы ходит нонь, Василей-от Ивановичь,

Он ёдного нонь берёт да под праву руку,

А другого-то берёт под леву руку,

А третьёго-то берёт да во серёдоцьку,

Он как всех их нонче трёх, да всех их бросил же.

Он приходит нонь, Василей-от Ивановичь,

Ко тому ищэ ко князю да ко Владимиру,

Он как по полу, Василей-от, похаживат,

Он такие ли он реци выговариват:

«Ож ты ой еси, ты солнышко Владимир-князь!
Уж ты дай мне-ка Ставра ноньце безденежно!»

Говорит опеть кнегина да мать Апраксия:

«Кабы этот не Василей сын Иванович,
Кабы ле надо бы' Ставровой молодой жоны:

Кабы по полу она ходит ногам цястит,

А на лавоцьку садитце, она коленци ле жмёт,

А коленьци ле жмёт, куну́ берегёт».

Говорит на то-де солнышко Владимир-князь:

«Ож ты глупая ле баба, неразумная!

У тя волос-от-де долог, ум коротинькой,

Коле Ставрова-де жона — можно спроведати,

Как накинуть-де 'ее службу тяжёлую».

А приходит нонь Василей-от Ивановиць,
Говорит опеть князю ле таково слово:
«Уж ты дай мне-ка Ставра нонче безденежно!»
Говорит ноньце-де солнышко Владимир-князь:
«Я накину на тебя службу тяжёлую:
Со моима ле стрельцами пострелетисе,
Отнести нынче во чисто полё дубовой столб,
Закопать ле столб да в землю матушку,
Там повесите кольчужину серебряну,
Как стрелеть нонче сквозь кольчужину серебряну;
Как прострелишь ты своей нонче каленой стрелой,
Я отдам тогда Ставра тебе безденежно».

Ой как говорит на то Василей-от Иванович:
«Я бы знал-де ваши замыслы княженецкия,
Я бы брал таких людей да нонь учёных.
А, пожалуй, я съизмалёшка, Васька, стреливал».

Отнесли ле там ле скоро да нонь дубовой столб,
Да положили кольчужину серебряну,
Привели тут стрельцей да добрых молодцов;
Говорят на то стрельцы да княженецкия:
«Ты стреляй же нонь, Василей сын Ивановиц!»

Говорит на то Василей сын Ивановиц:
«А которой накликают, тот наперед ступат».

Как его-то ле стрельчи нонь княженевские
Как стрелели сквозь кольчужину серебряну,
Аж которой нонче стрелит — он не дострелит;
А которой-де ле стрелит — он перестрелит;
А пришло ноньци Василью время стрелити,
Кабы стрелил нонь Василей каленой стрелой,
Пролетела его ле нонь да калена стрела
Ищэ сквозь-де нонь кольчужину серебряну.
Он приходит тогда ' князю нонь Владимиру,
Ищэ тот ноньце Василей-от Ивановиць:
«Ищэ ой еси, ты солнышко Владимир-князь!
Уж ты дай мне нонь Ставра сына Годинова,
Ищэ дай мне-ка Ставра нончи безденежно!»

Ож на то нончи солнышко Владимир-князь,
Он приказывал своим людям рабочиим
Отвести ему нончи ему глубок погреб.

Он приходит нонь, Василей-от Ивановиць,
Как к тому ищэ глубокому ко погребу,
Розметал ён, разбросал он хрущье-каменьё,
Как нашёл он ту плиту нончи залезную,
Откопал он своей нончи правой ногой,
Как подсунул-де свою, свою праву ногу
Как под ту-де под плиту, плиту залезную,
Кабы поннял ле плиту своей правой ногой,
Кабы пнул ле-то плиту да во чисто полё;
Говорит на то Василей-от Иванович:
«Выходи же ты, Ставёр да сын Годинович,
Из того ле ты глубокого из погреба!»
Услыхал ле там Ставёр да сын Годинович,
Он выскакивал ле скоро нонь из погреба,
Кабы вылетел из погреба, кабы ле куропать,
Он-де сколько-де сидел нонь во погребу,
Он как вылетел-де вдвое выше погреба.
И тогда нонче Василей-от Иванович
А пошли они ко князю ко Владимиру,
Э тогда они-де с князём и прощались,
Ож поехали они тогда домой ищэ.
Кабы едут нонь Ставёр да сын Годинович,
А как с тим едут с Василей сын Ивановицём,
Кабы здраво они едут по чисту полю,
Ище здраво они едут лесы темная,
А как приехали они нонь во чисто полё,
А как ставили шатёр бел полотненой,
Говорит нончи Василей сын Иванович:
«Ож ты ой еси, Ставёр да сын Годинович!
Уж ты силой-ту меня сильней ищэ,
Кабы сметкой-то тебя да я ле сметисте.
Ож как прежде у нас с тобой нонь пригожалось:
У тя есь шалаболка позолочена,
У меня ле есть кольчужина серебрена».

*(Зап. Ончуковым Н. Е.: апр. — май 1902 г., сел. Усть-Цильма Печорского р-на
— от Поздеева Петра Родионовича, 65 лет.)*

1 Повторение того, чем хвастал Ставер и что на него наговорили бояре:

У мня добры живут кони — не ездятся,
Добры молодцы живут у мня — не старятся,
У мня цветно-то ле платицё не носитце,
Ай на ножечках сапожочки не топчутце;
Ищэ есь у мня ле нонь да молода жона,
Ищэ та ле да Василиса дочь Микулицьна,
Ищэ нет ею ле краше да по всей земли,
Ищэ нет ей храбрее да по всей вотчины,
Ищэ кроме-де княгины да мать Апраксии.

Печорские былины / Зап. Н. Е. Ончуков. СПб., 1904.